

Дара Вейн

«Дитя
разрухи»

Дара Вейн
«Дитя разрухи»

«Автор»

2026

Вейн Д.

«Дитя разрухи» / Д. Вейн — «Автор», 2026

Фашизм начинается не с газовых камер. Он начинается со слова «свинья». С брошюры. С радио. С молчания, когда забирают соседей. Юрген и Хельга — не монстры. Они — люди, которые не сказали «нет».

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Пролог	7
Бергхоф, Бавария, июль 1941	7
Часть первая. Вера	8
Глава 1. Казарма СС, Мюнхен, август 1941	8
Глава 2. Мюнхен, квартира на Штраусштрассе, сентябрь 1941	9
Глава 3. Поезд на восток, сентябрь 1941	10
Глава 4. Мюнхен, октябрь 1941	11
Глава 5. Брестская крепость, октябрь 1941	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дара Вейн

«Дитя разрухи»

ДИТЯ РАЗРУХИ

Роман

Дара Вейн

Аннотация

Восточный фронт, 1941-1945. Немецкий солдат СС Юрген Кляйн едет на восток с брошюрой "Untermensch" в кармане и верой в то, что славяне - недочеловеки. Дома, в Мюнхене, его жена Хельга ждет писем, растит сына и верит радио. Эта книга - о том, как фашизм начинается не с газовых камер, а со слова "свинья". О том, как пропаганда превращает людей в чудовищ - и как чудовища узнают, что они просто люди. Исторический роман без оправдания и без прославления. Только правда.

Пролог

Бергхоф, Бавария, июль 1941

Гитлер стоял у окна. За стеклом - Альпы, зеленые, безмятежные, как будто войны не существует. Он не смотрел на горы. Он смотрел на карту, приколотую к столу, - Россия, развернутая, как туша на столе мясника.

Три месяца, - сказал он, не оборачиваясь. Голос был тихий, бытовой, будто говорил о погоде. - Три месяца - и этих недочеловеков не будет.

Гиммлер сидел в кресле, подтянув колени. Записывал в блокнот - школьным почерком, аккуратно, буква к букве.

Славяне, - продолжал Гитлер, - не должны иметь культуры. Не должны иметь образования. Не должны иметь будущего. Им место - работать на нас и умирать. Это не жестокость. Это закон природы. Высшая раса не может жить рядом с грязью.

Гиммлер кивал, записывал.

Русские, - сказал Гитлер, - это варвары. Свиньи, которые жили в болоте тысячи лет и ничего не создали. Их города - наши города. Их поля - наши поля. Их жизни - наш ресурс. Вы понимаете?

Да, мой фюрер.

Тогда - ликвидация. Не всех. Тех, кто не нужен. Евреев - всех. Комиссаров - всех. Партизан - всех. А остальных - в лагеря, на работы, на голод. Генеральный план "Ост". Пятьдесят миллионов славян должны исчезнуть. Остальные - рабы.

Гиммлер записал: "ликвидация". Карандаш скрипнул.

Гитлер наконец обернулся. Лицо было спокойное, серое, с усами, как штрих. Глаза - синие, пустые, как стекло.

Сделайте это чисто, - сказал он. - Без шума. Без лишних глаз.

Без лишних глаз, - повторил Гиммлер.

Альпы стояли за окном. Зеленые. Безмятежные.

Часть первая. Вера

Глава 1. Казарма СС, Мюнхен, август 1941

Юрген Кляйн сидел на койке и читал брошюру. На обложке - лицо. Искаженное, темное, с раскосыми глазами. Под лицом - слово: "Untermensch". Недочеловек.

Рядом, на соседней койке, Ганс Мюллер чистил винтовку. Ему было тридцать два, и шрам шел через всю щеку - от Финляндии, от русской пули, которая не долетела двух сантиметров до глаза.

Читаешь? - спросил Ганс, не поднимая глаз.

Читаю.

И что?

Тут написано, что русские живут в грязи. Что они не люди. Что они - биологический мусор.

Ганс щелкнул затвором. Звук был сухой, короткий, как выстрел.

В Финляндии, - сказал он, - я видел русского. Он бежал через снег, без шинели, в одном кителе. Я выстрелил. Он упал. Я подошел. Ему было лет шестнадцать. Может, семнадцать. В кармане - письмо от матери. Я не понял ни слова, но понял - мать. У него была мать.

И что?

Ничего. Я выстрелил. Он умер. Я не думал - недочеловек или нет. Я думал - враг или нет. Он был враг.

А если он был не враг?

Ганс посмотрел на Юргена. Шрам побелел.

Юрген, - сказал он тихо. - Когда тебя отправят на восток, не думай. Не думай - человек или нет. Не думай - прав или нет. Думай - вернусь или нет. Это единственное, о чем стоит думать.

Юрген закрыл брошюру. На обложке лицо смотрело на него - искаженное, темное.

Ладно, - сказал он.

Хельга, моя милая. Завтра мы отправляемся на восток. Я не могу сказать куда, но ты знаешь. Я вернусь через три месяца. Фюрер сказал - три месяца. Береги маленького Карла. Я люблю вас обоих. Твой Юрген.

Глава 2. Мюнхен, квартира на Штраусштрассе, сентябрь 1941

Хельга Кляйн стояла у плиты. Суп из репы - репа была водянистая, безвкусная, но это было все, что осталось по карточкам. Маленький Карл сидел за столом, болтал ногами и рисовал - танки, самолеты, крестики на фюзеляжах. Ему было четыре года.

Мама, - сказал он, - а папа скоро?

Скоро, - ответила Хельга. - Папа скоро.

Она не знала - скоро. Письмо пришло три дня назад. Три строчки. "Отправляемся на восток. Вернусь через три месяца. Люблю вас обоих". Больше - ничего. Адрес - полевая почта, номер без названия.

Радио на стене затрещало. Голос Геббельса - резкий, как гвоздь:

Немецкие женщины! Ваши мужья, сыновья и братья сражаются на востоке против большевистского варварства! Русские орды - это не армия, это стадо! Они не знают чести, не знают Бога! Наш долг - уничтожить заразу, чтобы она не пришла в наши дома!

Хельга выключила радио. Карл поднял голову.

Мама, а кто зараза?

Никто, - сказала Хельга. - Это по радио. Рисуй дальше.

Она села за стол, напротив сына. Суп остывал. За окном - Мюнхен, крыши, трубы, флаги со свастикой на каждом доме. Красные, с черным крестом. Она помнила, как три года назад Юрген принес форму - черную, с молниями на воротнике. Сказал: "Это работа, Хельга. Просто работа". Она поверила. Тогда все верили.

Соседка фрау Шольц постучала в дверь. Хельга открыла. Фрау Шольц - шестьдесят лет, седая, с лицом как мятый бумажный пакет - вошла без приглашения.

Хельга, - сказала она, - ты слышала? Вчера увезли семью Гольдбергов. Всю. Трое детей, старуха, мать. Ночью. Соседи смотрели. Никто не вышел.

Они были евреи, - сказала Хельга.

Они были соседи, - сказала фрау Шольц. - Тридцать лет - соседи. Фрау Гольдберг пекла мне пирог на Рождество. Тридцать лет.

Хельга молчала. Карл рисовал за стеной - танки, самолеты, крестики.

Куда их увезли? - спросила Хельга.

Не знаю. Говорят - на восток. Говорят - в лагерь. Говорят - на работу. Говорят разное.

Говорят разное, - повторила Хельга.

Фрау Шольц посмотрела на нее - долго, как будто хотела сказать что-то еще. Потом повернулась и ушла. Дверь закрылась тихо.

Хельга стояла в коридоре. За стеной - радио, снова включенное. Голос Геббельса: "варвары... свиньи... заразу...". Она выключила. Тишина. Карл рисовал.

Глава 3. Поезд на восток, сентябрь 1941

Эшелон шел на восток. Тридцать вагонов - скотские, без окон, со щелями в стенах. В каждом - сорок человек. Юрген сидел у стены, колени к подбородку. Ганс - рядом, спал, не шевелясь, как мертвый.

За щелями мелькал пейзаж - Пруссия, Польша, потом - Россия. Поля, поля, поля. Черные, плоские, до горизонта.

Бог мой, - сказал кто-то. - Сколько земли.

Это и есть земля, - сказал Ганс, не открывая глаз. - Наша земля. Lebensraum. Жизненное пространство. Фюрер сказал - нам нужно пространство. Вот оно.

А русские? - спросил Юрген.

Какие русские? - сказал Ганс. Он открыл глаза. - Ты читал брошюру. Они - недочеловеки. У них нет права на эту землю. У них нет права быть здесь. Есть мы - и есть земля. Все.

Поезд остановился. Двери открыли. Свет ударил в глаза - серый, тусклый. Запах - навоз, дым, что-то кислое, сладковатое, что не хотелось называть.

Брест, - сказал офицер. - Выгружаемся.

Глава 4. Мюнхен, октябрь 1941

Письмо пришло на восьмой день октября. Хельга бежала с ним по лестнице, рвала конверт на ходу. Почерк Юргена - мелкий, торопливый, с кляксами.

Хельга. Мы в России. Я не могу сказать, где. Это - другая страна. Дома - деревянные, как у нас в деревне сто лет назад. Люди - бедные, грязные, смотрят с ненавистью. Но они - люди, Хельга. Я не знаю, что сказать. Я стрелял вчера. Не хочу писать об этом. Карлу - привет. Поцелуй его. Твой Юрген.

Хельга перечитала трижды. "Но они - люди". Она не понимала - кто сказал, что они не люди? Радио? Брошюра? Она знала - кто. Фюрер. Партия. Все вокруг.

Она села на кровать. Карл спал в соседней комнате. За окном - Мюнхен, тишина, силуэты крыш. Радио молчало.

Она подумала: что если Юрген не вернется? Что если "три месяца" - это как "победа к Рождеству" - сказка для детей и женщин?

Юрген, мой милый. Карл спрашивает про тебя каждое утро. Я говорю - скоро. Я не знаю - скоро. У нас забрали семью Гольдбергов. Всю. Фрау Шольц плачет. Я не плачу. Я жду. Возвращайся. Что бы ни было - возвращайся. Твоя Хельга.

Она запечатала конверт. Адрес - полевая почта, номер без названия.

Глава 5. Брестская крепость, октябрь 1941

Брестская крепость - развалины. Стены в дымах, кирпичи - как выбитые зубы. В казематах - тишина и запах, тот самый, сладковатый, который не хотелось называть.

Командир - штурмбаннфюрер Цоль - стоял у стены и курил. Лицо - каменное, без выражения.

Здесь, - сказал он, - в июне, наши брали крепость неделю. Неделю! Против - кого? Против варваров. Против свиней, которые не умеют воевать. Но они - не сдавались. Они умирали. Все. Сопротивление было - бессмысленное. Как у животных, которые не понимают, что обречены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.